

В.И. Кривуть
Барановичский государственный университет
(Республика Беларусь)

ВОЗНИКНОВЕНИЕ И РАЗВИТИЕ ПОЛЬСКОГО ПРОМЕТЕИЗМА (XVIII – НАЧАЛО XX ВВ.)

В статье прослеживается эволюция идеологии и практики прометеизма в период XVIII – начала XX вв. Показана роль в его оформлении и практической реализации «мазепинской» эмиграции, Великой эмиграции и польских социалистов.

Польша, прометеизм, Речь Посполитая, Российская империя, Филипп Орлик, Адам Чарторыйский, Юзеф Пилсудский.

Обычно прометеизмом называют направление в польской восточной политике межвоенного периода. Главной целью данного направления было разделение Советской России, а позднее СССР, по национальным швам. В результате планировалось свести территорию России до территории XVI в. и расширить сферу политического и экономического влияния Польши на востоке путем создания федерации в составе Финляндии, стран Прибалтики, Беларуси, Украины, Крымского и казачьего государств, Союза кавказских государств. В ходе осуществления этих планов предполагалось использовать как националистическую антисоветскую эмиграцию, так и сепаратистов внутри СССР. Самой Польше отводилась роль координатора в будущей федерации государств-лимитрофов [2, с. 43]. Чаще всего прометеизм связывают с маршалом Юзефом Пилсудским (1867–1935) и лагерем его сторонников, пытавшимися реализовывать эту идею в 1920–1930-х гг. Иногда Ю. Пилсудского даже называют и разработчиком доктрины прометеизма [4, с. 60]. Но идеология прометеизма возникла и развивалась еще ранее. В современной российской и польской историографии роль провозвестника прометеизма отводят князю Адаму Ежи Чарторыйскому (1770–1861), российскому и польскому государственному деятелю, духовному лидеру польской политической эмиграции [3, с. 74; 12, с. 231].

Однако истоки идеи и практики данной геополитической доктрины можно проследить в еще более раннем периоде. На это обращали внимание польские исследования межвоенного периода, когда прометеизм являлся в Польше частью общественно-политического дискурса и активно пропагандировался. Отмечалось, что «проблема прометеизма, то есть целенаправленной политики связывания польских интересов с интересом свободы народов и наций, притесняемых или угнетаемых или же находящихся под угрозой московского империализма, должна была возникнуть тогда, когда возникли те условия, которые такую политику мотивировали, это значит распад империализма турецкого и возникновение нового империализма, империализма московского» [7, с. 1]. Таким переломным моментом

стало начало XVIII в., эпоха становления Российской империи и одновременно период все более заметного упадка Речи Посполитой. Последняя не была в состоянии в одиночку противостоять своей восточной соседке и, как следствие, возникали планы разного рода антироссийских альянсов, которые можно считать прообразом будущей концепции прометеизма.

Некоторые историки называют «пионерами» этой концепции польского короля Станислава Лещинского (1677–1766) и гетмана Левобережной Украины Ивана Мазепу (1639–1709). Известно, что польский король и украинский гетман рассматривали вариант создания союзного государства в случае победы Швеции в Северной войне. Гетман И. Мазепа обязывался привлечь к антироссийской коалиции запорожцев, белгородских (слободских) и донских казаков. К этому союзу должна была присоединиться и орда калмыцкого хана Аюка. Однако победа войск Петра I над шведами под Полтавой сорвала дальнейшее формирование этой коалиции [1, с. 59–60]. И. Мазепа и его сторонники вынуждены были бежать за границу.

Именно в эмиграции развернул свою деятельность еще один «пионер» прометеизма, преемник И. Мазепы на посту гетмана Филипп Орлик (1672–1742). В польской межвоенной историографии отмечалось, что Ф. Орлик одним из первых понял, «что борьба с империалистической Россией должна происходить из свободолобивых устремлений покоренных народов, объединенных единым фронтом, и всю жизнь работал над его созданием». В связи с этим пониманием «роли, которую в борьбе с Россией должны сыграть все нации, завоеванные или только оказавшиеся под угрозой завоевания...» есть основание назвать Ф. Орлика «предтечей идеи прометеизма» [11, с. 245–246].

Гетман-эмигрант пытался проводить активную дипломатическую деятельность в европейских столицах, направленную на осуществление концепции союза и взаимодействия противников России – Швеции, Речи Посполитой, Турции, Крыма и украинского казачества [10, с. 6]. Но все его усилия оказались

напрасными, и он не смог найти реальной поддержки в даже в Речи Посполитой, элита которой оказалась глуха к его призывам. Как отмечает один из польских исследователей, «Польша еще не осознала грозящей ей опасности, она смотрела на шведов через призму шведских войн середины XVII в., на турок и татар как на язычников, на Мазепу и Орлика – как на неверных и предательских казаков, а часть нации видела в России союзника против захватчика с севера и сражалась на стороне Августа II» [7, с. 2].

Кроме того, Ф. Орлик столкнулся и с противодействием российской дипломатии, которая, в отличие от польской элиты, более серьезно относилась к его деятельности. Так, в 1719 г. один из эмиссаров гетмана-эмигранта, Г. Герцик, прибыл для установления контактов в Варшаву, где тогдашний российский посол Г.Ф. Долгоруков имел разветвленную разведывательную сеть, которая быстро узнала о его присутствии. Г. Герцика заманили в засаду, схватили и вывезли в Россию. Кстати, серьезной реакции на эти события со стороны властей Речи Посполитой не последовало [10, с. 5].

Дело Ф. Орлика продолжил его сын, Григорий (1702–1759), политический и военный деятель, лидер «мазепинской» эмиграции, граф и генерал-лейтенант французской армии. В течение всей своей политической деятельности Г. Орлик стремился организовать антироссийскую коалицию. В ее состав должны были войти Турция, Швеция, Речь Посполитая, крымские татары, украинские казаки. Предусматривалось проведение ими спланированной, единой акции против Российской империи. Помимо вышеназванных государств, Г. Орлик в мемориале французскому первому министру А. де Флери в 1734 г. указывал на необходимость использования и сближения с ногайцами, народами Дагестана и калмыками [13, с. 2]. Во многом эти идеи уже напрямую перекликались с концепцией польского прометеизма XX в., но в XVIII в. замыслы Г. Орлика остались не реализованными. Впрочем, кое-что из идейного наследия этого провозвестника прометеизма нашло применение и ранее. В одном из мемориалов, представленных французскому правительству, Г. Орлик заявлял, что Россия постоянно стремилась и будет стремиться к уничтожению Польши и Турции и к овладению Балтийским, Черным и Каспийскими морями. Такой взгляд на политику России распространился после публикации в 1812 г. фальсифицированного «Завещания Петра Великого». Учитывая явную схожесть фальшивки с высказанными задолго до ее публикации идеями Г. Орлика, существует предположение, что автор «Завещания» опирался на хранившийся в архиве французского министерства иностранных дел мемориал Г. Орлика (Там же).

Что же касается идеи взаимодействия с Турцией, татарами или иными народами в борьбе против России, то с середины XVIII в. она постепенно начинает прививаться в Речи Посполитой, в первую очередь в среде антироссийской партии «республиканцев». В ходе Барской конфедерации (1768–1772) противники России в 1768 г. заключили с Крымским ханством договор, в котором постановлялось, что «Мы будем объединять все наши силы, чтобы действовать сов-

местно с Оттоманской державой и благородным татарской нацией и сражаться против москалей, угнетающих наше отечество, нарушающих законы и трактаты, с общим нашим неприятелем» [8, с. 37]. Но данное соглашение никогда не было реализовано. Барская конфедерация потерпела поражение, после которого последовал первый раздел Речи Посполитой.

Начиная с этого момента идея взаимодействия антироссийских сил и сотрудничества с находящимися под властью Российской империи народами присутствует в политике польских элит. Так, в 1793 г. на Дон были направлены польские эмиссары с целью проверить известия о симпатиях донских казаков к Речи Посполитой. В польском восстании 1794 г. под руководством Тадеуша Костюшки на стороне восставших сражался казачий отряд во главе с Л. Серпиньским. Проявлением прометеевских идей можно считать и распространение среди населения воззваний, изданных на литовском и белорусском языках повстанческими властями в Вильно. Эхо всей этой политики обнаруживается в мемориале, представленном деятелями польских подпольных организаций французскому послу в Константинополе. Авторы мемориала указывали на необходимость привлечения на свою сторону казачьего движения и концентрации усилий всех народов, сражающихся против России [7, с. 4].

В 1800 г. в Париже вышла брошюра одного из идеологов восстания 1794 г. и личного секретаря Т. Костюшки Юзефа Павликовского (1767–1829) «Могут ли поляки добиться независимости?» (существуют версия, что брошюра написана им в соавторстве с Т. Костюшкой). Помимо всего прочего, в ней утверждалось, что одним из путей возрождения независимой Польши было бы пробуждение центробежных тенденций среди народов царской России, в первую очередь среди украинского казачества [1, с. 61].

В первые десятилетия XIX в. идеи прометеизма не получили серьезного распространения. Значительная часть польских элит в тот момент связывала свои надежды на возрождение независимости Польши с Российской империей. Например, князь А.Е. Чарторыйский в 1804 г., будучи министром иностранных дел империи, предлагал вернуть полякам их государство, во главе которого должен был стать российский монарх. Тем самым Наполеон был бы «опережен» в своих намерениях. России же после этого не пришлось бы следить за тем, чтобы поляки снова не выступили против нее. Польша превратилась бы в своеобразный авангард российского государства в этой части континента. Заботясь об интересах Российской империи, А.Е. Чарторыйский стремился получить как можно больше уступок от России по отношению к полякам. При этом он понимал, что только в союзе с одной из великих держав Польша имеет шанс получить хотя бы только видимость независимости [14, с. 30–32].

И эта видимость независимости была получена в 1815 г. после создания по итогам Наполеоновских войн Царства Польского. В связи с этим в 1815–1830 гг. приобрели популярность идеи польско-российской общности и польского панславизма. При

этом показательно, что использование панславистской идеологии для создания геополитических концепций в Польше проявилось даже раньше, чем в самой России [6, с. 63].

Ситуация кардинально изменилась в связи с польским Ноябрьским восстанием 1830 г. После его подавления возникла Великая эмиграция (1831–1864), деятели которой внесли значительную роль в окончательное оформление польского прометеизма и принимали попытки его практической реализации. А.Е. Чарторыйский, ставший лидером консервативного крыла Великой эмиграции, начал разработку концепции, согласно которой Польша должна была возглавить борьбу нерусских народов Российской империи. Он обратил свое внимание на территории от Финляндии и до Кавказа, которые отделяли этнические русские земли от Западной Европы. Именно на сопротивление народов, проживавших там, должна была опираться программа демонтажа Российской империи [1, с. 62].

Вклад в развитие идеи прометеизма внесли многие польские интеллектуалы того времени. Так, польский поэт и философ Зигмунд Красинский (1812–1859) сравнивал Польшу со старшей сестрой, которая помогает народам в их борьбе за независимость (Там же, с. 64). Отношение же З. Красинского к России носило откровенно русофобский характер. Он считал ее наследницей Византийской империи эпохи упадка и «собранием элементов, наиболее злобных, наиболее разрушительных, каковые только есть в истории; слабым государством, зависимым от ситуации в Киеве, Вильно и Варшаве. Спаси западную цивилизацию можно лишь полностью «обессилив» Российскую империю. Польша, как истинное «творение Божие», имеет особую историческую миссию. Расположенная «между турками, москалями и германцами», она предназначена для того, чтобы сдерживать угрозы, исходящие от них христианству, западной цивилизации и славянам [3, с. 75].

Идеи прометеизма и польского мессианства с особой силой прозвучали в произведениях великого польского поэта Адама Мицкевича (1798–1855). В своей «Книге польского пилигримства» он завещал полякам бороться за свободу против тирании, которая является главным врагом западной цивилизации. Но не только за свою свободу, но и против тирании во всем мире. Творчество А. Мицкевича оказало глубокое влияние на национальное самосознание поляков, на понимание своей роли в мире как богоизбранного народа, идейного борца за свободу всех людей [1, с. 65].

Что касается практической реализации идей прометеизма, то тут Великая эмиграция развернула деятельность по нескольким направлениям. Одним из них была пропагандистская кампания в прессе, своеобразная «информационная война». В. Замойский и А.Е. Чарторыйский инициировали издание журнала «Портфолио», ставившего своей целью информирование Европы об устремлениях российской политики на Востоке. Журнал начал выходить в 1835 г. на английском и французском языках, а его редактором стал Д. Уркварт, бывший секретарь английского посольства в Константинополе. Показательно, что на страницах «Портфолио» много места посвящалось

кавказским народам. Уже в первом номере была размещена декларация независимости черкесов; в последующих номерах также было достаточно упоминаний или статей о Кавказе [7, с. 5–6; 8, с. 38].

Велась и активная дипломатическая деятельность. Эмиссары Великой эмиграции действовали не только при западноевропейских правительствах, но и в Турции, Египте, Сербии, Румынии. Польские агенты неоднократно направлялись на Кавказ к воевавшим против России горцам [7, с. 7–8; 9, с. 66–72].

Частью практики прометеизма стало и непосредственное участие поляков в вооруженной борьбе против России. Например, во время Крымской войны эмиссар А.Е. Чарторыйского в Константинополе Михаил Чайковский (1804–1886) организовал два казачьих полка из славян-добровольцев, воевавших на стороне Османской империи. В 1857 г. эти бывшие «султанские казаки» под командованием полковника Т. Лапиньского отправились на Кавказ, где около трех лет сражались с российскими войсками [1, с. 63; 15, с. 176–190].

Необходимо сказать, что Великая эмиграция, проводя свою «восточную политику», действовала в тесном взаимодействии с Великобританией. При этом польский вопрос в XIX в. стал элементом «Большой игры», то есть соперничества между Россией и Великобританией за господство над Центральной Азией. Каждый раз, когда русские создавали угрозу для власти британцев в этой части мира, польский вопрос становился для Великобритании картой, «которой она могла играть с целью ослабления влияния русских в Центральной Европе» [5, с. 7]. Именно такой утилитарный подход западных держав к судьбе Польши привел к тому, что деятельность Великой эмиграции не привела к значительным практическим результатам.

Несмотря на поражение очередного польского восстания 1863–1864 гг., польский прометеизм не исчез. Он стал частью идеологии и практики польских социалистов. Программа Польской социалистической партии (ППС), принятая в ноябре 1892 г., предусматривала полное равноправие на принципах федерации для всех народов, которые входили в состав бывшей Речи Посполитой. Ю. Пилсудский, один из лидеров польских социалистов, считал, что союзниками поляков в борьбе за независимость станут другие, угнетенные царизмом народы. Известно, что в начале XX в. польские социалисты провели ряд конференций и заключили соглашения с социалистами Финляндии, Грузии, Украины. Большую роль в налаживании этого сотрудничества сыграл один из ближайших соратников Ю. Пилсудского Леон Василевский (1870–1936) [1, с. 68–69; 7, с. 13].

Важным этапом в развитии польского прометеизма стала миссия Ю. Пилсудского в Японию в 1904 г. и предоставление там японскому правительству «Меморандума», посвященного дезинтеграции России силами польского народа. Автор данного документа видел в расколе России реализацию «культурных устремлений» поляков к самостоятельному существованию и гарантию их независимости. От Японии же требовались дотации для боевой организации ППС, оружие и поддержка на международной арене. Хотя предложение о создании польских легионов на терри-

тории Японии было отклонено, в 1905 г. боевики ППС получили определенную японскую помощь. Также японцы помогли в создании польской военной школы в Швейцарии [3, с. 75–76].

Именно из этой школы вышли офицерские кадры Польских легионов Ю. Пилсудского, сыгравшие серьезную роль в возрождении польского государства, которое предприняло очередную попытку реализации концепции прометеизма уже на новом историческом этапе.

Таким образом, идеологи и практика польского прометеизма прошла достаточно долгую и сложную эволюцию. Она возникла еще на заре XVIII в. в среде мазепинской эмиграции и лишь с течением времени была принята на вооружение польскими политическими элитами. Окончательное ее оформление произошло в среде Великой эмиграции в 1831–1864 гг. К началу XX в. прометеизм стал неотъемлемой частью идеологии и практики польского национального движения социалистического толка.

Литература

1. Комар, В. Л. Концепція прометеїзму в політиці Польщі (1921–1939 рр.) / В. Л. Комар. – Івано-Франківськ : Місто НВ, 2011. – 360 с.
2. Симонова, Т. М. «Прометеизм» во внешней политике Польши. 1919–1924 / Т. М. Симонова // Новая и новейшая история. – 2002. – № 4. – С. 43–67.
3. Симонова, Т. М. «Прометеизм» в польском сознании: теория и практика / Т. М. Симонова // Польша в борьбе за Восточную Европу 1920–2020 / под общей редакцией В. Ю. Крашенинниковой. – Москва : Кучково поле, 2020. – С. 74–106.
4. Сеницын, Ф. Л. Доктрина «прометеизма» в политике Второй Речи Посполитой и Третьего рейха / Ф. Л. Сеницын // Польша в борьбе за Восточную Европу 1920–2020 / под общей редакцией В. Ю. Крашенинниковой. – Москва : Кучково поле, 2020. – С. 59–73.
5. Bartosiak, J. Relacje polsko-brytyjskie. Zarys z elementami geopolityki / J. Bartosiak. – Toruń: Regionalny Ośrodek Debaty Międzynarodowej, 2015. – 20 s.
6. Eberhardt, P. Polski panslawizm jako idea geopolityczna / P. Eberhardt // Przegląd Geopolityczny. – 2014. – Т. 7. – С. 61–84.
7. J. R. Z dziejów prometeizmu polskiego / J. R. // Wschód-Orient. – 1937. – № 1–4. – С. 1–15.
8. J. R. Polityka wolności / J. R. // Biuletyn Polsko-Ukraiński. – 1937. – № 4. – С. 37–39.
9. J. R. Polityka wschodnia ks. A. Czartoryskiego w świetle najnowszych badań naukowych / J. R. // Wschód-Orient. – 1938. – № 3. – С. 65–76.
10. Janowicz, J. Z ideologii politycznej pierwszej ukraińskiej emigracji / J. Janowicz // Biuletyn Polsko-Ukraiński. – 1934. – № 3. – С. 4–6.
11. Łobodowski, J. Książka o hetmanie Orliku / J. Łobodowski // Biuletyn Polsko-Ukraiński. – 1938. – № 23. – С. 245–246.
12. Łysek, W. Prometeizm / W. Łysek // Mały leksykon geopolityki / Red. L. Sykulski. – Częstochowa : Grzegia sp. z o.o., 2016. – С. 231–235.
13. Reychman, J. Pierwsza polityczna emigracja w Europie / J. Reychman // Biuletyn Polsko-Ukraiński. – 1934. – № 8. – С. 1–3.
14. Tokarz, G. Rosja w rozważaniach Adama Czartoryskiego (okres napoleoński) / G. Tokarz // Geostrategia. – 2020. – № 1. – С. 24–32.
15. Widerszal, L. Sprawy kaukaskie w polityce europejskiej w latach 1831–1864 / L. Widerszal. – Warszawa: Nakładem Towarzystwa Naukowego Warszawskiego, 1934. – 268 s.

V.I. Krivut

ORIGIN AND DEVELOPMENT OF POLISH PROMETHEISM (18th – EARLY 20th CENTURIES)

The article traces the evolution of the ideology and practice of Prometheism in the 18th – early 20th centuries. The author highlights the role of the «Mazepa» emigration, the Great Emigration and the Polish socialists in its formation and practical implementation.

Poland, Prometheism, Rzeczpospolita, Russian Empire, Philip Orlik, Adam Czartoryski, Jozef Pilsudski.